

УДК 82.09

ББК 81.2Р

П 88

Пугачева Наталья Георгиевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Кубанского государственного университета культуры и искусств, т.: 8(612)2758246.

**ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АВТОРА КАК
ОСНОВА ЕГО МЕДИАВЕДЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

(рецензирована)

В статье рассматриваются линии связей между теоретико-литературным и медийным проявлениями авторства. С этих позиций соотносятся различные типы авторов. На данной основе делаются выводы об опоре медийного осмысления автора на теоретико-литературную концептуализацию.

Ключевые слова: произведение, автор, концепт, литературный процесс, степень присутствия.

Pugacheva Natalya Georgievna, Doctor of Philosophy, professor of the Department of Philosophy of the Kuban State University of Culture and Arts, tel.: 8 (612) 2758246.

**THEORETICAL AND LITERARY CONCEPTUALIZATION OF THE AUTHOR AS
A BASIS FOR HIS MEDIAPROVINCE REALIZATION**

(reviewed)

The article deals with the communication lines between theoretical, literary and media manifestations of authorship. Different types of authors are correlated from these positions. On this basis, conclusions are drawn about the media support of the author's understanding of the literary-theoretical conceptualization.

Keywords: product of the author, the concept of the literary process, the degree of presence.

В медиаведении сложно интегрируются тенденции различных сфер филологического и, шире, гуманитарного познания [1]. Эта интеграция неоднозначно сказывается на разработке ряда проблемных сфер. К ним относится и проблема

автора. Ее значимость усиливается в контексте растущего взаимодействия между литературными и медийными процессами. Этим и обусловлен особый подход к теоретико-литературному осмыслению автора, избранный в предлагаемой статье, - его рассмотрение как основы медиаведческого осмысления данного феномена.

Для медийного пространства, в частности публицистики, актуальны следующие теоретико-литературные и искусствоведческие представления об авторе [2]: творец произведения как реальное лицо с определенной судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт; образ автора, локализованный в тексте; создатель текста, присутствующий в его творении как целом, имманентный произведению.

Автор (в этом значении слова) определенным образом подает и освещает реальность, оценивает и осмысливает ее, проявляя себя в качестве субъекта художественной (шире, творческой) деятельности. В этой связи наиболее значимыми рассмотрения представляются, во-первых, степень присутствия автора в публицистическом тексте, во-вторых, характер его влияния на читательскую интерпретацию сообщаемого, в третьих, соответствие реального создателя произведения образу автора.

В концепции М.М. Бахтина автор художественного произведения «авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, не как к определенности бытия, а как к принципу, которому нужно следовать (только биографическое рассмотрение автора превращает его в героя, в определенного в бытии человека, которого можно созерцать). Индивидуальность автора как творца есть творческая индивидуальность особого, неэстетического порядка; это активная индивидуальность видения и оформления, а не видимая и не оформленная индивидуальность... Внутри произведения для читателя автор – совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными, единство трансгredientных моментов видения, активно относимых к герою и его миру» [3].

При этом для автора публицистического текста позиция венаходимости практически невозможна уже потому, что такой текст в силу своего природообразующего свойства – дискурсивности – неразрывно связан с внетекстовой действительностью – той самой, в которой существует и сам журналист как автор биографический. Публицист в принципе не может сохранять внеположенность

изображаемому: он так же погружен в описываемые им процессы и как бы «спиной прирастает» к общему социальному фону. Соответственно ему присущ не ценностный покой в бахтинском понимании, а, напротив, неизбежная оценочность, которая существует даже там, где мы имеем дело с сухим перечислением фактов (то, что сам отбор их – уже оценка, сомнению не подлежит).

Однако принципиальное требование объективности приводит к тому, что автор должен избегать немотивированного, не подкрепленного аргументами навязывания читателям собственной оценки. Своеобразная трансгредиентность (внеположенность изображаемому) – но уже не в эстетическом, а в этическом плане – используется им как прием на этапе разработки темы. Исходя из необходимости представить полный спектр мнений по рассматриваемому вопросу автор поочередно включается в каждую из существующих точек зрения, одну за другой «проживает» их на глазах читателя. (Фактически складывается ситуация, описанная Ю. М. Лотманом при характеристике одного из способов образования значений в художественном тексте: «Автор дает некую множественность субъективных точек зрения, которые, взаимопроектируясь, раскрывают свое общее содержание – действительность») [4, с. 50]. И лишь передав весь мелодический строй этого многоголосья, уже на этапе трактовки публицист имеет право взять собственную «верхнюю ноту», с ледяных вершин объективности устремившись в привычный мир субъективных человеческих страстей. Отсюда двойственность и динамический характер авторской позиции в публицистике – позиция эта представляет собой не монолитный принцип отображения реальности, а некую совокупность взаимопретекающих состояний: оценочности и безоценочности, включенности и отстраненности...

В процессе ее становления, развертывания происходит некий «обстрел» читателя с разных точек в условиях постоянного смещения авторского «центра тяжести». В результате и сам читатель вместе с публицистом проделывает тот же самый путь сквозь тернии противоположных оценок, чтобы в конце концов склониться к одной из них или выработать свою собственную. (Насколько позиция публициста совпадает с позицией аудитории, не столь важно – главное, чтобы читатель выработал свою точку зрения, в идеале – близкую к авторской).

В. В. Шаповал пишет: «Даже в рамках одного материала автор может... менять речевые маски, прятаться за цитаты и за чужие мнения, намекать и провоцировать

читателя на неверные ожидания, чтобы потом более эффективно показать ему другую сторону явления и «перекрестить в свою веру». Все это порой предполагает и оправдывает и эмоциональную разноголосицу, и стилистический полифонизм, и неоднозначность образа автора» [5].

Говоря о специфике роли автора в художественном творчестве, М.М. Бахтин пишет: «Автор не может и не должен определиться для нас как лицо, ибо мы в нем, мы вживаемся в его активное видение; и лишь по окончании художественного созерцания, то есть когда автор перестает активно руководить нашим видением, мы объективируем нашу пережитую под его руководством активность... в некое лицо, в индивидуальный лик автора... Его [автора] индивидуализация как человека есть уже вторичный творческий акт читателя...» [3]. Однако, если говорить об авторе публицистического текста, происходит искажение этого принципа: читатель не столько достраивает его образ, а, напротив, изначально исходит из уже сложившегося представления об авторе при восприятии созданного им текста.

«Печатный текст с газетной полосы или журнальной страницы, подписанный, например, неким «Иксом», теперь, благодаря развитию электронных средств массовой информации, для все более широкого круга читателей стал соотноситься не только с определенным кругом уже известных текстов этого автора, но и с совершенно определенным человеческим образом: по телевизионным выступлениям мы представляем голос и особенности устной речи, манеру одеваться, жестикуляцию и мимику и т.д. и т.п.... современный публицист большинству своих читателей именно знаком». И это «создает несоизмеримо более высокие требования к единству имиджа публициста. В частности, не только его письменная речь должна соответствовать теме и авторской позиции, но и манера устных выступлений и скандальные слухи о нем (нередко редактируемые им же самим) должны работать на завершение профессионального образа, созданного его собственными печатными публикациями или теле- и радиорепортажами» [5].

У М. М. Бахтина образ автора – образ особого типа, но он тоже имеет своего автора, создавшего его, носителя чисто изображающего начала [3, с.306]. В публицистике носитель такого начала смыкается с автором биографическим. И образ автора всякий раз получает своеобразную подпитку извне: он смотрит на нас не только (а зачастую и не столько) из самого произведения, сколько из-за его пределов.

Знакомясь с конкретным выступлением публициста, аудитория делает это в рамках более общего ознакомления с его индивидуальным гипертекстом, наряду со средствами печатного или звучащего слова создаваемым всей публичной жизнью автора. Причем доминирующая в процессе этого создания авторская позиция распространяется (с одной стороны – читателями при восприятии материала, с другой – самим автором в процессе творчества) на все тексты публициста.

В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что в художественном тексте также возможно слияние биографического автора с образом автора как неким организующим этот текст началом, не персонифицированным в самом повествовании. Достаточно сослаться на «Евгения Онегина» («С ним подружились мы в то время. Мне нравились его черты».) Реальный человек не может быть приятелем литературного персонажа. Но повествователь в романе – фигура, вобравшая многие черты биографического автора – А.С. Пушкина.

Современная проза (в частности, С. Довлатов и, например, В. Токарева) идет дальше. Писатели вводят в повествование самих себя в качестве субъектов высказывания. И это наблюдение относится не только к автобиографической прозе – дневникам, мемуарам и пр.

Беллетристика пытается повысить кредит доверия к тому, что говорит художник, за счет введения в текст реально существующего автора – участника описываемых событий.

Все это способствует сближению художественных текстов с публицистическими.

Если говорить о публицистическом творчестве, то именно в нем автор наиболее востребован в своем лично-биографическом понимании. Поскольку данное творчество по определению оценочно, постольку интересен и сам субъект этой оценки.

«Публицистический текст как дискурс предполагает наличие авторского целеполагания: он принадлежит некоему субъекту высказывания (персонифицированному или подразумеваемому), являющемуся частью реального мира» [6, с. 9], – подчеркивает Л.Е. Кройчик. «Отражение действительности в текстах, безусловно, является важной задачей журналиста, но публицистика по своей природе

предполагает осмысление, оценку этих фактов и, следовательно, присутствие автора в тексте» [7, с.137], – пишет Е.С. Щелкунова.

Чем меньше представление имеет о субъекте публицистического высказывания читатель, тем равнодушнее его отношение к сообщаемому. В современных условиях эта тенденция обнаруживает себя со все большей очевидностью. Она обусловлена лавинообразным нарастанием массово-информационных потоков, усилением их совокупного воздействия на конкретного реципиента. Зачастую получатель какой-либо информации о событиях, явлениях или процессах общественной жизни уже знаком с достаточно обширным спектром оценочных суждений, косвенно или напрямую связанных с обсуждаемыми реалиями. Источником этих альтернативных, а зачастую и противоположных друг другу оценок в первую очередь являются сообщения различных СМИ.

Таким образом, «взаимное высвечивание» литературных и медийных аспектов в категории автора способствует уяснению новейших интегративных процессов. Медийная сфера, будучи особым пространством познания и отражения действительности, сочетающим в себе черты художественной и научной парадигм, подтверждает правомерность определенных параллелей с ними. При этом подтверждаются и значимые тенденции концептуального развития теории литературы как сферы филологического знания.

Литература:

1. Лучинский Ю.В. «Невозможность коммуникации»: культурный концепт как медиафеномен // Ценности современного общества и СМИ. М.: МГУ, 2012. С. 102-103.
2. Хализев В.Е. Теория литературы : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 61.
3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой : к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 226.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 2000. С. 50.

5. Шаповал В.В. Имидж автора в публицистике (роль сленговых и иных заимствований, маркированных как «чужое слово». URL: <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval20.htm> (дата обращения: 22.04.2004).

6. Кройчик Л.Е. Публицистический текст как дискурс // Акценты. 2003. № 3 – 4. С. 9.

7. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации : специфика и функционирование : учеб. пособие. Воронеж, 2004. С. 137.

References:

1. Luchinski Y.V. *"Impossibility of communication": a cultural concept as mediaphenomen // Values of modern society and the media. M.: MSU, 2012. P.102-103.*

2. Khalizev V.E. *Literary theory: a tutorial. 4th ed., rev. and add. M., 2005. P. 61.*

3. Bakhtin M.M. *Author and hero in aesthetic activity // Author and hero: to the philosophical foundations of the humanities. St.Ptb., 2000. P. 226.*

4. Lotman Y.M. *The structure of a literary text // About the Art. St. Ptb., 2000. P. 50.*

5. Shapoval V. V. *The image of the author in journalism (the role of slang and other borrowings, labeled as "alien word". URL: ([Http://www.bestreferat.ru/referat-10947.html](http://www.bestreferat.ru/referat-10947.html)). (22.04.2004).*

6. Kroychik L. E. *Journalistic text as a discourse // Accents. 2003. № 3 - 4. P. 9.*

7. Shchelkunova E.S. *Journalistic text in the system of mass communication: specificity and function: textbook. Voronezh, 2004. P. 137.*